

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории, теории и методологии Института социологии НАН Украины, доктор социологии Манчестерского университета

Социологическая концепция гражданского общества в постсоветском контексте

Abstract

The main issues of the construction of the civil society in the post-communist perspective are analyzed in the paper.

“Civil society” is considered as a normative sociological concept and an actual practice of social transformation. Two basic models of the civil society project in post-communist countries and particularly in Ukraine are examined.

The principal statement of the paper is the diagnosis of the democratic process in Ukraine, its main lack and shortages as connected with the confusion between concept and political practice of democratization and those of civil society.

There is shown how the concept of civil society can be applied for understanding difficulties and perspectives of the reform process in Ukraine.

Сложные процессы социальных трансформаций в посткоммунистических обществах Центральной и Восточной Европы актуализируют множество теоретических и методологических проблем, связанных с диагностикой дальнейшего развития новых социетальных феноменов и отношений, а также с анализом трансформации традиционных социокультурных и общественно-политических факторов в новых условиях.

Мы попытаемся проанализировать процесс посткоммунистических преобразований в контексте *социологического* подхода в отличие от *политологического* анализа, который по преимуществу концентрирует внимание на внешних проявлениях и результатах (реальных или гипотетических) политических процессов, партийно-властной механике, маневрировании поли-

тических группировок или идеолого-пропагандистских ритуалах посткоммунистических трансформаций. Концептуальным ориентиром в нашем подходе станет понятие “гражданское общество” — понятие, которое в своем широком социологическом смысле как раз и охватывает комплекс основных социетальных характеристик и параметров общественной жизнедеятельности, *отделенной от государства и самоорганизованной*. На важности измерения “гражданского общества” в посткоммунистическом контексте делал упоминание, в частности, один из ведущих экономистов Мирового банка Джозеф Стиглиц, фактически признавший ошибочность установок этой институции, делающей ставку только на стратегию успеха макроэкономической реформы и роста экономических показателей и пренебрегающей решением проблем перестройки общественных институций и необходимостью “гражданского участия” в процессах реформ в посткоммунистических странах [1, с. 1].

Далее на примерах разных моделей посткоммунистической трансформации мы попробуем выделить принципиальные содержательные нюансы в этом обобщенном выводе Стиглица. Мы также развернем в деталях понятие “гражданское общество” как базовое, проанализируем социологические измерения данной концепции и на примере анализа посткоммунистических трансформаций в странах бывшего “социалистического лагеря”, и в частности в Украине, проследим соотношение социально-политических практик “демократизации” и “гражданского общества”.

Принципиальным положением, которое мы выдвигаем в этой работе, является диагноз демократического процесса в Украине с его недостатками, проблемами и абберациями вследствие подмены понятий (а главное — политических практик) демократизации и гражданского общества. Отсюда и слабость, неразвитость и заблокированность структур гражданского общества в Украине, и недостаточность полноценного дискурса гражданского общества в публичной политике и в медиа пространстве страны¹. Мы покажем, как концепция гражданского общества может быть использована для понимания трудностей и дилемм посткоммунистического развития в Украине, блокирования, замедления и, в определенной мере, свертывания демократических реформ. И наконец, мы проанализируем проблемы формирования системы внешнего общественного контроля за властью как неотъемлемого элемента гражданского общества и обозначим стратегию его становления в Украине.

Методологические основания социологической концепции гражданского общества

Две модели посткоммунистических трансформаций. Понятия “демократия”, “демократизация” и “гражданское общество” уже на первых этапах

¹ В силу идеологической привлекательности понятия “гражданское общество” и благоприятной политической конъюнктуры, это понятие весьма часто употребляется в политическом лексиконе субъектов демократического строительства в Украине. Однако частота упоминаний и распространенность “идеологических заклинаний” по поводу гражданского общества не являются показателем ни его адекватного понимания, ни способности и реальной готовности внедрять принципы функционирования гражданского общества в политическую практику.

восточноевропейских социальных трансформаций применялись для обозначения и легитимации, в сущности, разного по своему характеру общественного опыта. Поэтому вполне естественно, что понимание и толкование этих понятий было достаточно широким, неопределенным и в большинстве своем идеологически окрашенным в разнообразные политические оттенки с определенными содержательными нюансами, определявшимися местным социокультурным и политическим контекстом преобразований, а также политической волей и взглядами их субъектов.

Обобщая разнообразие идеолого-аналитического применения концепций демократической обоймы, прослеживаемое с середины 1980-х, рискнем высказать следующее наблюдение. Постсоветский опыт социальных трансформаций, особенно в его “восточнославянских” версиях (Россия, Украина, Беларусь), зачастую развивался и легитимизировался под лозунгами демократии и демократизации, тогда как посткоммунистическая трансформация в Центральной Европе (Польша, Чехия, Венгрия) и отчасти в бывших Прибалтийских республиках достаточно активно реализовывала наряду с очередной и обязательной повесткой дня политической демократизации проект развития гражданского общества. Это отличие на первый взгляд кажется условным, особенно учитывая зачаточное состояние обоих процессов и социально-исторических опытов. Однако показательно то, что “восточнославянскую” версию трансформации, в частности ее украинский вариант, некоторые исследователи предпочитают характеризовать именно как “прото-демократию” (или даже как состояние между “прото-демократией” и “мягким авторитаризмом”) [2, с. 1], тогда как “восточноевропейские” сценарии приобретают характеристики “прото-гражданского общества” [3, с. 72].

Логика такого терминологического отличия, по-видимому, свидетельствует о концептуальной безосновательности определения ориентации на развитие гражданского общества как политически доминантной в процессах “восточнославянских” трансформаций. Действительно, не только проблематика, но и терминология гражданского общества в украинском официальном дискурсе значительно уступает по частоте упоминаний проверенным и традиционно идеологически выверенным категориям типа “демократия”, “демократизация” или “рыночная экономика”. В данной перспективе даже термин “*демократическое общество*” [4, с. 20] воспринимается как определенный прогресс.

В то же время, на наш взгляд, такая идеолого-теоретическая маргинализация понятия и дискурса гражданского общества в “восточнославянских” трансформациях, в том числе и в Украине, имеет определенные исторические основания. Мы имеем в виду прежде всего тот факт, что “демократические революции” в России, Украине и Беларуси начинались, осуществлялись и продолжают реализовываться преимущественно “сверху” с активным привлечением “административных ресурсов” и контролем над процессом со стороны “нового старого” бюрократически-номенклатурного класса, тогда как центральноевропейские сценарии развития событий существенно подкреплялись и определялись сильным самоорганизованным общественным движением “снизу”. Наиболее показателен в этом плане опыт польской “Солидарности”.

Проект гражданского общества в опыте польской “Солидарности”.

Признавая в какой-то мере идеолого-утопический и наивно-романтический характер развертывания проекта гражданского общества в деятельности “Солидарности” в начале 1980-х годов, заметим, что польский опыт (наряду с опытом “бархатных революций” в Чехии и Венгрии) актуализировал проблематику гражданского общества как теоретико-методологической концепции и общественно-политической практики. Оценивая важность “этоса Солидарности” в становлении гражданского общества в Польше в начале 1980-х, польский исследователь отмечает: “Солидарность пробудила активность низовых организаций и дала возможность полякам быть вовлеченными в политику вне контролируемых государством каналов, закладывая фундамент гражданского общества... И даже после введения военного положения Солидарность выжила в подполье как идеал общности и формула коллективного сопротивления режиму” [5, с. 75].

Опыт “Солидарности” высветил важные характеристики концепции гражданского общества, понимаемого, разумеется, сквозь призму определенной идеолого-политической практики, конкретных общественных обстоятельств и национально-культурной специфики¹. В сценарии “Солидарности” и “бархатных революций” гражданское общество явило себя:

- 1) как антитоталитарный и антиэтатистский проект общественной жизнедеятельности, имевший явственно антикоммунистический политический характер и противопоставлявший идеолого-политическому монизму политический и социокультурный плюрализм;
- 2) как способ добровольной самоорганизации ассоциаций (и общественных движений) в противовес “механической солидарности” формально-искусственных объединений граждан коммунистических времен;
- 3) как практическая и теоретико-методологическая проблема возникновения и построения гражданского общества в новых общественно-исторических обстоятельствах (проблема генезиса) в отличие от задач репродукции и поддержания жизнедеятельности гражданского общества (функциональная проблема).

Посткоммунистические проекты развертывания гражданского общества были (и есть) массово-политическими и идеологическими практиками, открывающими уникальные исторические возможности для современного развития теоретико-методологической концепции гражданского общества. В процессе посткоммунистических трансформаций понимание того, *что такое гражданское общество*, достигается отчасти благодаря отказу на практике от того, *чем гражданское общество не является*. Практический опыт определения (и утверждения) характеристик гражданского общества “от противного”, разумеется, весьма условно приближался к “положительной”

¹ Как отмечает польская исследовательница Френтцель-Загорска, “польский” проект развертывания гражданского общества отличался от “венгерского сценария”: в Польше возникновение самоорганизующегося гражданского общества предшествовало попыткам внедрить условия официального его существования. В Венгрии, напротив, такие условия были созданы реформаторским правительством в самом начале общественной самоорганизации” [6, с. 761].

концепции гражданского общества, формировавшейся в основном благодаря обобщениям жизнедеятельности уже состоявшегося и состоятельного гражданского общества, прежде всего сложившегося в странах Западной демократии.

Ловушки посткоммунистических трансформаций или имитация реформ? Вероятно, именно вследствие такого стечения общественно-исторических обстоятельств, характерных для западного пути развития, возникла основная теоретико-методологическая и политическая западня, в которую угодили (возможно, сознательно имитируя подобный промах) политики и теоретики посткоммунистических, и особенно постсоветских, трансформаций. Западня эта заключалась в отождествлении (сознательном или неосознанном) понятий “демократия” (и “демократизация” как способ ее реализации) и “гражданское общество”. Между тем “демократия” является категорией политико-идеологической и касается главным образом формально-политического режима, а “гражданское общество” — это прежде всего концепция *социологическая* и *социокультурная*, то есть касающаяся содержательных характеристик формально-демократических рамок. Отсюда вытекает весьма тривиальный, однако довольно драматический по своим социальным последствиям вывод: *установление демократического режима не тождественно политике развития гражданского общества, которое не является автоматическим следствием установления формально-демократических рамок.*

Американская исследовательница Джулиана Пилон придерживается мнения о сознательной манипуляции демократическими понятиями со стороны коммунистической правящей элиты и официальных смыслотворцев в обществах переходной эпохи 1980-х годов. Пилон определяет эту манипуляцию как форму “лингвистического терроризма”, со временем “подкрепленную демонстрацией пренебрежения к любым формам традиционных легитимных институтов: “выборы” стали фарсом, канонизирующим заранее избранного прихвостня системы; “народные демократии” стали ничемной клоунадой; “парламенты” не представляли интересов никаких избирателей, кроме правящей элиты, которая весьма редко обременяла себя общением через контролируруемую марионеточную прессу” [7, с. 10]. Думается, эти оценки наиболее точны относительно “восточнославянских версий” посткоммунистических трансформаций, в которых процессы “лингвистического терроризма” намного дольше продолжали существовать в условиях неразвитых гражданских обществ.

Чтобы показать различие между понятиями “демократия” и “гражданское общество” (а следовательно, между соответствующими дискурсами и политическими практиками), мы детальнее остановимся на “положительной” концепции гражданского общества в его социологическом понимании.

Социологическая концепция гражданского общества: истоки и первоисточники. Развитие понятия гражданского общества можно проследить от основ и принципов Афинской демократии до теоретических концептуализаций Токвиля, Грамши и современных авторов [6]. Вместе с тем, как отмечает Крис Бриант [3, с. 71], социологическая концепция гражданского общества берет свое начало в традиции шотландских моралистов (Фер-

гюсон, Смит, Юм, Хатчесон) и наиболее выразительно разворачивается в теоретическом направлении от Токвиля до Гоулднера, получая продолжение в трудах Гелнера, Беллы, Брианта, Штомпки и еще целого ряда современных теоретиков.

В пределах данной традиции понятие гражданского общества означает *систему социальных отношений, осуществляющихся в публичном пространстве, между домохозяйством (и сферой частного) и государством, вне сферы рынка*. В этих отношениях граждане могут объединяться для удовлетворения своих особых интересов в рамках закона, гарантированного государством. Такое понимание гражданского общества утверждает прежде всего его самоорганизующийся характер, отрицает тотальную зависимость граждан от государства и толкует гражданское общество как самодостаточную сущность, которая не может быть сведена к сугубо экономическим структурным отношениям. В таком понимании, замечает Бриант [8, с.142], понятие гражданского общества в противовес гегелевской и марксистской концепциям воспринимается как постоянная, а не переходная сущность (у Гегеля — к идеальному государству, у Маркса — к идеальному общественному состоянию, коммунизму) и в отличие от понимания Грамши трактуется не просто как способ сопротивления гегемонии правящего класса.

Традиция шотландской моральной философии: понятие гражданственности. В традиции шотландской моральной философии (являющейся одним из первоисточников социологической концепции гражданского общества) гражданское общество (*civil society*) прочно ассоциируется с понятием гражданственности (*civility*)¹. Гражданственность — понятие теоретико-методологическое, одновременно обозначающее социально-историческую традицию развития определенного способа жизнедеятельности и способа отношений с другими. В контексте шотландской моральной философии “гражданственность” является предпосылкой добропорядочности, образованности и воспитания в сочетании с уважением и отзывчивостью по отношению к другим. Понимание концепции гражданского общества как предполагающего “цивильность” (или даже “цивилизованность”) недостаточно развито в современном посткоммунистическом контексте, по крайней мере в украинском. Вместе с тем признание шотландской моральной

¹ Здесь мы переводим англоязычный термин “*civility*” как “гражданственность”, а не как “цивилизованность”, хотя, по утверждению Брианта [8, с. 142], до конца XVIII века эти понятия у английских и шотландских авторов были взаимозаменяемыми. Слово “гражданственность”, на наш взгляд, адекватнее передает современную семантическую сущность англоязычного понятия как взаимоотношений граждан вне границ сферы государства, в отличие от “цивилизованности”, семантика которой связана с устойчивым представлением об *уровне развития* общества. К сожалению, украинский и русский перевод понятия “*civil society*”, родственного с “*civility*”, теряет эту принципиальную содержательную нагрузку англоязычного термина, приобретая иное актуальное значение, связанное с гражданской вовлеченностью и обоснованное в подходе А. де Токвиля. Таким образом, в украинском и русском переводе утрачена важная и принципиальная диалектика англоязычного понятия “*civil society*”. Влияют ли (и если да, то как именно) последствия такого семантически “суженного” понимания концепции “*civil society*” на социальную практику посткоммунистических трансформаций — вопрос открытый.

философией роли образования, просвещения и даже развитой способности к восприятию нового и иного для становления гражданского общества имеет достаточно конкретные общественно-политические импликации в посткоммунистическом контексте, связанные, прежде всего, с важностью гражданского и правового образования. Мнение о том, что государство не является синонимом гражданского общества, а скорее его придатком, гарантирующим права граждан, включая право собственности и равенство перед законом, имплицитно присутствовало, но не было выразительно артикулировано в этой традиции.

Концепция гражданского общества А. де Токвиля. Алексис де Токвиль в своей “Демократии в Америке” уже четко разделяет понятия государства, или чаще правительства (government) и гражданской жизни (civil life). Государство, или правительство — это полномочное собрание, министерства, суды, полиция и вооруженные силы. Гражданская жизнь относится к публичной сфере жизни (public life), то есть к жизни граждан за пределами домохозяйства. Гражданская жизнь в Америке, согласно Токвилем, характеризуется именно распространенностью ассоциаций людей, которые объединяются для достижения общих целей. Ассоциации различаются по многим признакам, но в основном делятся на гражданские и политические. Гражданские ассоциации создаются для реализации частных экономических, коммерческих и производственных интересов; политические ассоциации, согласно Токвилю, имеют целью “общественную и формальную поддержку отдельных доктрин со стороны определенного числа людей, решивших сотрудничать некоторым образом для того, чтобы придать этим доктринам господствующий статус” [9, с. 233].

Токвиль усматривает значение политических ассоциаций в том, что они выступают своего рода свободными школами демократии. Граждане на собственном опыте учатся формулировать свою позицию, осуществлять обмен мнениями, защищать свои гражданские права и постоянно контролировать правительство. Роль независимых средств массовой информации (таких, как газеты, а в наше время — преимущественно телевидение и радио) в свободном распространении новостей и взглядов чрезвычайно важна. Данные положения Токвиля, касающиеся именно форм практической вовлеченности граждан в публичную политику, актуальны и в нынешних обстоятельствах развития гражданского общества в Центральной и Восточной Европе, и особенно в Украине.

Дальнейшее развитие социологической концепции гражданского общества. По свидетельству другого авторитетного социолога, Альвина Гоулднера, именно исследование сферы публичной жизни и политических ассоциаций граждан является одним из самых важных предметов социологии. Гоулднер утверждает, что центральной темой работ Сен-Симона, Конта, Токвиля, Дюркгейма, Тенниса, Зиммеля, Парсонса является поиск срединного пути между “неограниченным индивидуализмом” и “атомизацией конкурентного рыночного общества”, с одной стороны, а с другой — “существованием в среде государственного господства” [10, с. 364]. Гоулднер также подчеркивает, что, учитывая усиление всемогущества государства в различных социальных системах, интерес современной социологии к

“инфраструктуре публичной сферы (public sphere)” содержит освободительный потенциал [10, с. 371].

К списку Гоулднера можно добавить теоретиков американского неоконсерватизма 1980-х, таких как Кристол, Низбет, Белл, Новак, Белла и др., развивавших линию, намеченную А. де Токвилем. Весьма успешные попытки американского неоконсерватизма модернизировать традиционные либеральные ценности в рамках концепции “морального индивидуализма” (Р.Белла) и усиление роли и значения “медиативных структур” (общественные ассоциации, церковные общины, соседство и т.п.), действующих между обществом и государством в условиях “демократического капитализма” (М.Новак), подтверждают устойчивый интерес социологии и социальной философии к принципам эффективной жизнедеятельности гражданского общества и “публичной сферы”. Интерес к данным проблемам таких известных современных теоретиков, как Хабермас и Гидденс, также свидетельствует об этом.

Гражданское общество: плюрализм. Социологическая концепция и проблематика гражданского общества довольно детально развернута также Эрнестом Гелнером, позиция которого может служить дальнейшей отправной точкой нашего анализа. Одной из важнейших социокультурных доминант гражданского общества Гелнер считает плюрализм как признание различий и практику их взаимного приспособления-сосуществования (“аккомодации”). Стратегия “аккомодации различий” (accommodation of differences), непосредственно касающаяся реализации принципа плюрализма в обществе, имеет значение не только как теоретико-методологическая категория, но и как политическая практика общественной жизнедеятельности, основанная на способности к ненасилию, компромиссу и толерантности.

Гелнер [11, с. 3–5] отождествляет принцип гражданского общества с идеей институционального и идеологического плюрализма, препятствующего установлению монополии на власть и истину и служащего противовесом тем господствующим центральным институциям, которые гипотетически могут при отсутствии подобного противовеса получить такую монополию. В своем институциональном воплощении гражданское общество, по Гелнеру [11, с. 5], — это система различных негосударственных институтов (так называемый третий — между государством и рынком — сектор), достаточно сильная, чтобы выступать своего рода противовесом государству и (не отрицая роли государства в поддержании мира и его функций арбитра основных противодействующих сил и интересов в обществе) предотвращать доминирование государства над обществом и его атомизацию.

На наш взгляд, понятие плюрализма, применяемое в социологической концепции гражданского общества, и в частности у Гелнера, позволяет преодолеть ограниченное и узко-инструментальное понимание плюрализма как сугубо политико-идеологического термина, достаточно прочно связанного в посткоммунистических обстоятельствах с идеей политической многопартийности. В адекватном понимании плюрализм означает не только множественность и возможность сосуществования различных политических взглядов и партийно-идеологических ориентаций, а прежде всего разнообразие индивидуальных и групповых способов жизнедеятельности, культурных стилей и манифестаций. Точкой отсчета здесь выступает сво-

бодная индивидуальная личность-гражданин (“модулярная личность”, по выражению Гелнера), ее свободы, права и обязанности относительно общества и государства. Нам представляется, что Гелнер в толковании понятия плюрализма продолжает классическую либеральную традицию, которая в отличие от коммунитаристской традиции в истолковании соотношения “личность–общество” отдает предпочтение правам личности и гражданина.

Вместе с тем утверждение плюрализма как первоосновы гражданского общества отличается от теоретико-методологического подхода, берущего за основу общественной жизнедеятельности гражданского общества гражданскую добродетель, которую понимают в терминах общей воли или “первичных ценностей” в духе дюркгеймовского коллективного сознания. В перспективе “плюралистического понимания” гражданского общества согласие и солидарность возможны, но не как механический и декларативный конгломерат личных волей и интересов (собственно такая попытка была реализована в украинской версии “Злагоди”), а как сознательный выбор граждан, осознающих свои интересы и добровольно объединяющихся для их защиты (пример польской “Солидарности” дает представление об этом процессе).

Гражданское общество: “холодность цивиличности”. Мы уже отмечали, что взаимодействие и взаимоотношения автономных (не *атомизированных* — различие принципиальное) индивидов характеризуются в гражданском обществе понятием *цивиличности* (civility) — корневым семантическим понятием самого термина “гражданское общество” (civil society). Как отмечает Крис Бриант [3, с. 71], в социальной семантике англоязычной традиции, тесно связанной также с Шотландским просвещением, “цивиличность” обозначает еще и общий стандарт, в пределах которого толерантно сосуществует разнообразие образов жизни, деятельности и объединений граждан. Цивиличность, таким образом, основана на плюралистическом мировосприятии и отношении к другому и предполагает соблюдение принципов благопристойности, вежливости в отношениях с другими (согражданами, соотечественниками, коллегами, соседями и т.п.), независимо от каких бы то ни было различий между людьми. Гелнер [11] и Бриант [8] подчеркивают “холодность” концепции цивиличности — отношений, не предполагающих и не требующих от нас предпочтений, симпатий или любви к людям, с которыми мы имеем цивиличные отношения¹. В этом смысле “холодность” цивиличности сильно контрастирует с “теплом” коммунального, религиозного или национального энтузиазма. Тем самым цивиличность и гражданское общество, основанное на этом принципе, противоречат политически организованным попыткам любого тотального единства (с его “слиянием в братском экстазе”), где полностью растворялась бы автономная личность-гражданин. Цивиличность отношений гражданского общества оформляется в секулярные законы права. Вследствие этого выражение “верховенство

¹ Анализируя микрофизику общественной интеракции и коммуникации, Ирвин Гофман говорит о норме “цивилизованного невнимания” (civil inattention) друг к другу как элементе такта и вежливости в отношениях незнакомцев в повседневном общении.

права”, до сих пор играющее роль идеологического штампа в посткоммунистическом контексте, получает статус повседневной тривиальной реальности в актуальном гражданском обществе.

Западное и исламское общества в концепции Гелнера. Для рассмотрения концепции гражданского общества именно в посткоммунистическом контексте наиболее интересен анализ Гелнером основных характеристик исламского общества по сравнению с обществом Западным¹.

Согласно Гелнеру, западная цивилизность и формальная “холодность” секуляризованных общественных отношений наиболее показательны на фоне специфики жизнедеятельности исламского общества, основой которого является божественный, а не секулярный закон. Суждения по поводу правителей и власти в исламском (и в первую очередь, фундаменталистском) обществе определяются, согласно выводам Гелнера, не на основе принципов секулярного закона, а преимущественно с точки зрения их соответствия религиозным нормам святого закона. Отсюда — характеристики внутренней организации политической власти, общественной политики и методов принятия решений, распространенная клиентистская структура и nepотизм воспринимаются как проблемы несущественные, остающиеся за пределами основной роли и функций власти, подотчетной в реализации религиозных правил лишь Богу.

На примере “идеального типа” исламского общества Гелнер убедительно показывает, как вакуум в секулярном законодательном обеспечении властных и общественных отношений и взаимоотношений “власть–общество” (весьма характерный также для посткоммунистической ситуации) традиционно заполняется “неформальной” культурой клиентизма. В контексте этой культуры, как комментирует Гелнер, формальные институционные регулятивы не имеют особого практического значения по сравнению с неформальными связями взаимного доверия, основанного на прежних личных услугах и на взаимобмене защиты сверху и поддержки снизу [11, с. 26].

Социальный опыт людей прежней коммунистической и нынешней посткоммунистической эпохи (особенно в контексте постсоветских реалий) позволяет обнаружить подобные характеристики социальных взаимоотношений мелкой “бытовой” коррупции, nepотизма и клиентизма, некогда известных как “блат”, а ныне развивающихся в стилях “закрытой”, родственной, клановой и т.п. политики. Вместе с тем клиентистскому посткоммунистическому обществу (по крайней мере в его постсоветской инкарнации) недостает того важного социокультурного фактора, который, согласно выводам Гелнера, действует и выполняет компенсационную функцию в исламском обществе. Речь идет о сплоченности и социальной солидарности. Гелнер признает, что потеря социальной солидарности, в ее “органистическом” дюркгеймовском понимании, характерна и для западного общества. Здесь потеря “органистической” солидарности (присущей традиционным

¹ Гелнеровский анализ достаточно условен и базируется он скорее на веберовском понимании “идеальных типов”, нежели на подробных конкретно-социальных характеристиках; однако с определенными оговорками относительно обобщений, сделанных Гелнером, этот анализ достаточно поучителен и релевантен для постсоветской ситуации.

обществам) является, по Гелнеру, своего рода обратной стороной процесса модернизации, секуляризации и высокоразвитого производства.

Вместе с тем западное секулярное общество (в отличие от посткоммунистического десакрализованного) продолжает быть гражданским обществом, которое все же сохраняет эффективную связь между своими членами именно благодаря индивидуальной свободе граждан (“модулярности личности”). Взаимоотношения между людьми здесь построены скорее на принципе договора-контракта, нежели статуса (“люди чтут договоры, даже если они не предполагают ритуализированного статуса или группового членства” [11, с. 100]). Согласно Гелнеру, индивидуальная свобода, связанная с правовой независимостью граждан, и повседневная система общественных договоров (между отдельными индивидами, обществом и государством) является ответом на два парадокса существования гражданского общества, а именно: 1) как возможна постоянная гибкая общественная связь между индивидами, то есть то, что делает общество обществом, и 2) как возможны общественные институты и ассоциации (выступающие политическими противовесами государству), не рискующие при этом оказаться “подавляющими” (индивидуальность).

По нашему мнению, существует еще один принципиальный фактор гражданского общества, о котором Гелнер говорит отнюдь не много и противоречиво. Речь идет об интерактивном моральном порядке (здесь: не в смысле “внешней” нравственно-нормативной институционализации ценностей *a la* Дюркгейм либо Парсонс), или, лучше, об этосе гражданского общества, который как раз и актуализирует этику civility.

Этос гражданского общества: базовые ценности и доверие как феномен коммунальных отношений. Когда Гелнер вроде бы отказывает гражданскому обществу в характеристиках нравственности, он понимает под этим то, что секуляризованное гражданское общество не является общиной верующих, будь то религиозных или идеологических; это не общество, сплоченное благодаря вере или истине, разделяемым всеми его членами. Гелнер тут прав лишь отчасти. Фактически (и сам Гелнер имплицитно утверждает это) общественная связь “холодной civility” невозможна без приверженности базовым формальным ценностям и соблюдения норм человеческого поведения.

Крис Бриант, отмечая этот недостаток Гелнерового анализа, предлагает воспользоваться характеристиками “ценностей второго порядка” (“secondary values” по терминологии МакИнтайера), имеющих принципиальное значение для устойчивого гражданского общества [8]. К этим ценностям относятся прагматизм, способность к аккомодации различий и толерантность, принцип “живи сам и дай жить другим” (live-and-let-live), компромисс без ущерба собственному достоинству, принцип “справедливой игры” и готовность отдавать должное — уважение, долги и т.п. — другим. По мнению МакИнтайера, разделяемому и Бриантом, “ценности второго порядка” делают возможным компромисс между сторонниками различных “первопорядковых” ценностей в пределах общего социального пространства. Общее восприятие и соблюдение “ценностей второго порядка” гражданами во множестве повседневных интеракций гражданского общества как раз и составляет основу его этоса. Аморальное или деморализованное

общество, пожалуй, не может быть ни гражданским, ни процветающим. Отсюда возникает проблема репродукции и воспроизведения гражданских ценностей через формирование гражданского сознания в процессе гражданской социализации в условиях устойчивых и стабильных гражданских обществ, поскольку гражданское общество — это никогда не завершающийся и отнюдь не гарантированно обеспеченный проект в любых социально-политических условиях.

Проблема гражданских ценностей является общей (конечно, в каждом случае со своей спецификой) для устойчивого демократического и посткоммунистического обществ. И если демократическому обществу необходима репродукция и воспроизведение действующих ценностей в каждой новой генерации, то для посткоммунистического контекста важнее прежде всего формирование первичного этоса гражданского общества. Задача эта связана с трансформацией психологии, моральных установок, повседневной этики и ценностных ориентаций миллионов индивидов. О принципиальной важности этой задачи свидетельствует тот факт, что недоразвитость культурно-этических основ гражданского общества, этот эпифеномен структурно-институциональной трансформации посткоммунистических обществ, практически сводит на нет некоторые уже достигнутые положительные сдвиги в “реальных секторах” экономики в посткоммунистических условиях. Украинский опыт убедительно свидетельствует об этом.

Общественный контроль над властью как проблема развития гражданского общества в Украине

“Верхи не хотят”: субъективно-политический фактор блокирования развития гражданского общества. Одной из центральных проблем развития гражданского общества в Украине является, по нашему убеждению, традиционно авторитарный способ функционирования властных отношений в обществе, а отсюда — критически низкий ресурс доверия к властным институтам со стороны общества. На десятом году украинской государственности проблемы цивилизованных взаимоотношений власти и общества, отказа от надменного “менторско-терапевтического” стиля функционирования власти и традиционного режима ее “закрытости”, а также связанные с внедрением режима “прозрачности” проблемы независимого гражданского контроля за деятельностью всех ветвей власти (включая центральную исполнительную), ее подотчетности общественности и, шире, гражданского участия в процессах принятия политических решений — все эти проблемы как никогда актуальны. Почему же решение этих настоятельных проблем во взаимоотношениях “власть–общество” (или хотя бы их серьезное обсуждение) все еще не заняло надлежащего места в публичной политике Украины?

По нашему мнению, речь идет о необходимости принципиальных реформ, связанных именно с существенным изменением в способе интеракции властных структур с общественностью. Не человек, не отдельное лицо, не избранные индивиды, а именно общественность, то есть широкие слои населения и как можно более широкий спектр социальных групп с их разносторонними интересами должны стать субъектами полноценного диалога с властью. Задача же власти (и дальнейшее условие ее выживания) — стимулировать самоорганизацию общества и процесс выразительной

артикуляции интересов различных его групп. Суть такого стратегического поворота будет заключаться в *переориентации от отжившей политики “демократизации” к политике развития гражданского общества.*

О некоторых других факторах блокирования гражданского общества. Именно “поверхностный” характер демократических преобразований в Украине и неостребованность потенциала широкой гражданской коалиции свели на нет первые ростки гражданской инициативы и энтузиазма, наполнявшие политические паруса “Руха” конца 1980-х — начала 1990-х годов, и помешали тому же “Руху” стать феноменом “украинской Солидарности”.

Помимо исторических и социально-психологических есть еще один фактор, объясняющий “блокирование” развития гражданского общества в Украине, в частности в такой важной сфере, как общественный контроль над властью. Имеется в виду стойкий посттоталитарный стереотип невозможности защиты гражданами своих прав перед государством. Зависимость судебной власти от исполнительной и коррупция, уровень которой в Украине один из самых высоких среди посткоммунистических государств¹, еще ощутимее усложняют “доступ к справедливости” для многих граждан. Правовой произвол в стране имеет свои социально-экономические, политические и нравственно-психологические корни. В частности, отсутствие реальных реформ в различных сферах общества, и прежде всего в экономике, традиционная “закрытость” властей и процесса принятия политических решений, недоверие, апатия и цинизм — вот составляющие той социальной почвы, которая порождает эту ситуацию и, одновременно, воспроизводит ее. Характерным признаком украинской социально-политической реальности является также отсутствие (или неразвитость) реальных практических механизмов и возможностей реализации и защиты гражданских прав и свобод, формально закрепленных в Конституции.

Императивы политики развития гражданского общества. Существует по меньшей мере два принципиальных обстоятельства, которые должны побуждать саму власть сделать первый шаг и всячески поощрять инициативы общественной самоорганизации, в частности в такой сфере, как формирование системы внешнего общественного контроля и, более широко, гражданской вовлеченности в публичную политику.

Первое — это объективное истощение ресурсов (экономических, политических, психологических) и средств (прежде всего, идеологически-пропагандистских), которые делают возможным властное маневрирование в режиме “закрытой политики”. Довольно неплохие экономические показатели украинской экономики конца 80-х и начала 90-х еще позволяли по инерции создавать иллюзию неисчерпаемости резервов. В рамках этой парадигмы “неисчерпаемости”, отчасти базирующейся на свежей историчес-

¹ Согласно индексам уровня коррумпированности, разработанным международной организацией “Международная прозрачность” (Transparency International), Украина занимала одно из последних мест среди 85 стран — объектов экспертного опроса 1998 года (*TI Newsletter*. — 1998. — December).

кой памяти о дешевизне газа, нефти и другого полезного хозяйственного сырья, можно было затевать сомнительные экономические макропроекты, в которых общественный экономический интерес оказывался либо непрочитанным, либо, чаще всего, откровенно проигнорированным. Это становится очевидным сейчас и списывается обычно на ошибки и просчеты “розового” периода украинской демократии и на массовую эйфорию первых лет государственного развития. Вместе с тем из анализа этого периода, как правило, исчезает одно важное обстоятельство. Несмотря на наличие формально ритуальных характеристик открытой публичной политики (того, что со временем будет несколько пренебрежительно охарактеризовано как “митинговая” демократия), сфера настоящего политического действия все плотнее закрывается и становится “непрозрачной” для широкой общественности.

Второе — в конце 90-х годов тенденции развития государственной политики как “закрытого акционерного предприятия” для немногих избранных ощутимо усиливались и приняли угрожающий для безопасности и существования большинства украинских граждан характер. Фактически *кланово-распределительная (то есть негражданская, а следовательно и “нецивильная”) экономика породила клановую демократию и “закрытую политику”, которые, в свою очередь, легитимизировали функционирование этой нецивильной экономики.* Проблема разрыва этого заколдованного круга трансформируется в императив общественного выживания и касается принципов репрезентации и реализации общественного интереса.

Понятие общественного интереса как основы общественной политики. Хотя само понятие “общественного интереса” еще не является достаточно актуализированным (или даже артикулированным) в украинских условиях (почему это так — вопрос отдельный), однако пришло время рассмотреть ряд тем, касающихся репрезентации универсального общественного интереса. К ним относятся:

- безопасность существования граждан — в основу здесь может быть положен принцип этики сосуществования, высказанный еще в середине XIX века Дж.Ст.Миллем, — отсутствие (или, по крайней мере, максимальное уменьшение) вреда от деятельности *любой* институции или частной компании для других граждан;
- принципы справедливости, в частности возможность *практической* реализации гражданских прав, установление четких “правил игры” для граждан, государственных и негосударственных институций, внедрение понятных (в том числе, в буквальном смысле) законов и контроль за их выполнением;
- экономическое благополучие и благосостояние граждан.

В аксиоматическом поле концепции гражданского общества, о чем говорилось выше, *“общественный интерес” не тождествен “государственному интересу”.* Принципиальным же выводом для современной Украины является то, что последний даже отдаленно не согласован с первым (хотя государство может и должно быть институционной формой реализации именно общественного интереса). *Любая* смена любого количества правительств и представителей власти сама по себе (и *в себе*, как правило) не

может быть панацеей для нашего общества. Более того — *любое* (и *сколько* угодно качественно) образованное, подготовленное и незаангажированное в узкоклановые группировки правительство и *любая* власть нуждаются в общественном контроле за своей деятельностью, политика их должна быть подотчетной и “прозрачной”.

Вместе с тем постсоветский опыт вообще и украинская практика в частности свидетельствуют о том, что главная проблема заключается не только и не столько в оформлении правовой базы для демократических изменений и становления демократических институций. Лоббирование новых законов и даже принятие их “зависают в воздухе” и остаются благими пожеланиями без активного гражданского участия и готовности и умения применять закон и контролировать его выполнение. Только формирование независимой общественно-контролирующей системы над исполнительной властью может сделать жизнеспособными такие институции, как судебная и прокурорская системы, парламентские комиссии, Счетная палата или офис омбудсмана, и другие формально существующие структуры “балансов и противовесов”.

Элементы системы общественного контроля. Независимая система общественного контроля над властью может включать следующие принципиальные взаимосвязанные структурные компоненты:

1. “Сторожевые” группы и организации, ориентированные на мониторинг взаимоотношений граждан с государственно-административными структурами — сферы, где граждане чаще всего испытывают существенные ограничения или невозможность реализации своих гражданских прав. Совершенствование законодательства в этой области установило бы четкие правила игры для государства и для гражданина с определением прав и обязанностей.
2. Развитие практики независимых гражданских экспертиз властных политических и экономических стратегий и решений и контроль за их выполнением. Независимым экспертам и аналитическим центрам должно быть предоставлено право активного участия в формировании общественной политики. Правовую основу такой практики уже сегодня может отчасти обеспечить действующий закон “О государственной тайне”, согласно которому информация, касающаяся вопросов общественной политики, связанных, в частности, с жизненным уровнем населения и его социальным обслуживанием, не может быть отнесена к сфере государственной тайны. Одной из перспективных форм участия представителей общественности в принятии и выработке политических решений на местном уровне может стать расширение практики открытых общественных слушаний городских и районных бюджетов и уставов городов.
3. Средства массовой информации, максимально объективные и непредубежденные, могут (и должны) играть крайне важную роль в отстаивании именно *общественных интересов*, пропагандируя принципы гражданского участия и освещая первые удачные попытки эффективной практики системы общественного контроля над властью. Создание условий экономической и политической независимости средств массовой информации — задача государства. Важ-

ный резерв тут — формирование *гражданского сознания* в стране (в отличие от политики манипулирования массовыми настроениями и эмоциями).

Тема защиты общественного общегражданского интереса и формирования независимой общественной системы контроля над властью (в частности, отстаивание на законодательном уровне права такой системы на существование) могла бы определить вполне реальную и конкретную повестку дня в деле инициации общегражданского диалога и социального партнерства между властью и представителями общественных организаций, что явилось бы первым серьезным шагом в формировании гражданского общества в Украине. Целью такого диалога могла бы быть подготовка своеобразного пакта между новым правительством и представителями общественности о взаимопонимании, базовых общих интересов (таких, как упомянутое выше стремление к безопасности, социальной справедливости и экономическому благополучию) и принципах политики, направленной на их реализацию. Основой для принятия политических решений, затрагивающих общественные интересы, должна стать открытая, честная и убедительная аргументация (практически отсутствующая ныне) для любого субъекта на ниве общественной политики, включая общественные и государственные институции.

Литература

1. *Стиглиц Дж.* Развитие, основанное на участии: стратегия для государств с переходной экономикой // Трансформация. — 1998. — № 6. — С.1–3.
2. *Prizel I.* Ukraine between proto-democracy and “soft” authoritarianism // Dawisha K., Parrott B. (eds.) *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova.* — Cambridge, 1997. — P. 330–367.
3. *Bryant C.* Economic Utopianism and Sociological Realism. Strategies for Transformation in East-Central Europe // Bryant C., Mokrzycki E. (eds.) *The New Great Transformation? Change and Continuity in East-Central Europe.* — London, 1994.
4. *Хорошковский В.* Дороги, которые нас выбирают. — Киев, 2000.
5. *Michta A.* Democratic consolidation in Poland after 1989 // Dawisha K., Parrott K. (eds.) *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova.* — Cambridge, 1997. — P. 66–108.
6. *Frentzel-Zagorska J.* Civil Society in Poland and Hungary // *Soviet Studies.* — 1990. — Vol. 42. — P.759–777.
7. *Пилон Дж.* Глобальна революція та потреба у громадянській освіті у колишньому Радянському блоці. — К., 1995.
8. *Bryant C.* Civic Nation, Civil Society, Civil Religion // Hall J.A. (ed.) *Civil Society. Theory, History, Comparison.* — Cambridge, 1995. — P. 136–157.
9. *Tocqueville A. de.* *Democracy in America.* — New York, 1966. — Vol.1.
10. *Gouldner A.W.* *Civil Society in Capitalism and Socialism // The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development Theory.* — London, 1980.
11. *Gellner E.* *Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals.* — London, 1994.